

А. В. Стальмакова

**ИСТОРИЧЕСКИЙ НАРРАТИВ В ТВОРЧЕСТВЕ
КАЛИНИНГРАДСКИХ ПОЭТОВ ВРЕМЕН ПЕРЕСТРОЙКИ:
ОПЫТ КОНТЕНТ-АНАЛИЗА**

Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Калининград, Россия

Поступила в редакцию 04.07.2023 г.

Принята к публикации 03.10.2023 г.

doi: 10.5922/sikbfu-2023-3-5

46

Для цитирования: Стальмакова А. В. Исторический нарратив в творчестве калининградских поэтов времен Перестройки: опыт контент-анализа // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Сер.: Гуманитарные и общественные науки. 2023. №3. С. 46–57. doi: 10.5922/sikbfu-2023-3-5.

В годы Перестройки в центре общественного внимания оказались дискуссии о сталинизме и советском наследии. В Калининградской области интерес к истории в этот период сместился к региональному довоенному прошлому, культурному наследию края, истории его заселения и освоения советскими людьми. Исторические темы стали одним из ведущих мотивов и в творчестве калининградских поэтов. Цель статьи – выявить «образы прошлого», которые формировали исторический нарратив в калининградской поэзии периода Перестройки. Ведущим методом исследования стал контент-анализ, выполненный с помощью программы Max QDA 2020. Источниками для анализа послужили 126 поэтических произведений 47 авторов, опубликованные с 1985 по 1991 г. «Образы прошлого» рассмотрены в статье сквозь призму отражения исторической памяти калининградцев и с использованием концепта «мест памяти». Показана динамика публикаций стихотворений по годам, охарактеризованы приоритетные исторические темы – события Великой Отечественной войны, заселение и восстановление области, судьба историко-культурного наследия. Делается вывод о том, что в период Перестройки под влиянием изменений в общественном сознании калининградцев происходит постепенное включение в поэтический текст новых исторических образов довоенного и послевоенного прошлого края с одновременной тенденцией к сохранению и частичному переосмыслению некоторых прежних компонентов советского исторического нарратива, связанных с войной и образованием Калининградской области.

Ключевые слова: историческая память, пресса, поэзия, Перестройка, контент-анализ, Калининградская область

Введение

Историческая память – многогранный феномен коллективного сознания. Французский историк Пьер Нора рассматривает формирование массовых представлений о прошлом через призму «мест памяти», которые соединяют в себе духовное и материальное и становятся эле-

ментами национального самосознания. При этом французский термин «lieu de mémoire», переведенный как «место памяти», обозначает не только историко-культурный объект в пространстве, но и совокупность определенных, устойчивых «образов прошлого», которые составляют основу исторической памяти конкретного социума. Набор таких исторических представлений, или «мест памяти», является относительно устойчивым на протяжении длительного времени и может трансформироваться в момент общественно-политических изменений [21, с. 41]. Одним из периодов трансформации стала Перестройка в СССР, с началом которой и провозглашением «гласности» в обществе развернулась дискуссия о прошлом страны и проявилось стремление к смене исторического нарратива. В центральной прессе стали обсуждаться темы сталинских репрессий, коммунистической идеологии и советского наследия. В Калининградской области этот процесс имел свои особенности. Кроме обсуждения проблем отечественной истории стало возможным обращение к довоенному прошлому, бывшему ранее под негласным запретом; началась дискуссия об историко-культурном наследии и послевоенном развитии края, что вызвало большой общественно-политический резонанс.

Трансформация исторической памяти о прошлом региона рассмотрена в работах калининградских историков И. О. Дементьева, Ю. В. Костяшова, Г. В. Кретицина, В. Н. Маслова [9; 11; 12; 14; 17] и др. В историографии выделяются три этапа формирования исторического нарратива о прошлом региона. Первый этап – период послевоенной советизации края, на протяжении которого осуществлялся курс на «изгнание прусского духа» [11, с. 9]. На втором этапе (середина 1960-х – середина 1980-х гг.) появляется ограниченная конкуренция дискурсов о прошлом, когда наряду с господствующей официальной политикой памяти возникают альтернативные представления об истории края [22; 31]. На третьем этапе, в годы Перестройки, происходит усиление альтернативного дискурса и реабилитация довоенного прошлого. Именно этот период является одним из самых интересных для понимания процесса формирования регионального исторического нарратива.

Следуя традициям Тартуско-московской семиотической школы в части понимания текста как семиотической структуры, исследователи обращаются к проблемам исторической памяти в художественной литературе региона. Так, Л. М. Гаврилина выделяет особое понятие «калининградский текст», в рамках которого происходит постоянное сравнение старого / нового, довоенного / послевоенного, «чужого / своего» [6, с. 75]. При этом важнейшим элементом она называет память о Второй мировой войне [7, с. 66]. Проявление оппозиции «своего» и «чужого» в «геопозитике города К.» рассматривают в своем исследовании Т. В. Цвигун и А. Н. Черняков [32, с. 112].

Цель настоящей статьи – выявить «образы прошлого», которые формировали исторический нарратив в поэзии калининградских авторов периода Перестройки. Поэтический текст выбран неслучайно. Если для исследования современной исторической памяти эффективны

социологические методы (опросы, интервью), то при изучении прошлого необходимо обращение к эго-документам, публицистике, прессе, художественной литературе [18, с. 8]. Согласно концепции Ю.М. Лотмана, текст, в том числе художественный, является «не только генератором новых смыслов, но и конденсатором культурной памяти» [15, с. 22]. Поэты и писатели воплощают свой художественный мир с помощью образов. Вместе с тем, будучи частью конкретного общества и испытывая влияние эпохи, они так или иначе отражают реалии окружающего их мира, мысли, чувства и настроения своих современников.

В качестве основного инструмента при изучении содержания калининградской поэзии был использован контент-анализ, выполненный с помощью программы Max QDA 2020. Контент-анализ позволяет с использованием качественно-количественных измерений выявить в тексте различные факты и тенденции [8, с. 14]. Для определения «образов прошлого» в поэзии калининградцев на первом этапе был создан частотный словарь употребления всех слов в стихотворениях. На основе наиболее часто встречающихся образов разработана следующая система категорий: Исторические темы, Историческое место, Историческое пространство и Образ города.

Стихотворения калининградских поэтов по исторической тематике были выявлены по публикациям в региональных периодических изданиях и поэтических сборниках за 1985–1991 гг. Всего было отобрано 126 стихотворных произведений: поэмы, стихи, тексты песен, частушки, которые отражали различные исторические явления и события отечественной и региональной (включая довоенную) истории (сюжеты из всеобщей истории практически отсутствовали) или выражали отношение автора к прошлому.

Распределение публикаций по годам показывает, что в начале Перестройки интерес к истории среди калининградских поэтов шел на убыль (минимум в 1987 г. — 3 произведения). Это было связано с тем, что в центре внимания людей оказались насущные социальные проблемы. Вновь интерес к истории пробуждается только с 1988-го г. (четвертого (!) года Перестройки) и достигает пика в 1990 г. (37 произведений). Именно тогда через прессу и другие СМИ советское общество оказывается вовлечено в дискуссии по спорным вопросам истории, прежде всего советской.

Исторические сюжеты в своих стихах за рассматриваемый период затронули 47 авторов. Наибольшее число таких стихотворений (свыше двух третей) принадлежало перу 19 профессиональных поэтов, членов Союза писателей России: А. Самусевич (13), В. Михайлова (10), В. Сысоева, В. Еремеева, П. Затолочного (по 9), А. Лунина (7), С. Симкина (6) и др. Еще 28 поэтов-любителей опубликовали в основном по одному-двум стихотворениям. Калининградская перестроечная поэзия имела «мужское лицо», среди авторов женщины составляли менее $\frac{1}{5}$. Больше половины поэтов принадлежало к поколению родившихся в 1930–1940-х гг., шестеро воевали в годы Великой Отечественной войны, только трое были уроженцами области, остальные в разное время переселились сюда в основном из РСФСР и Украины [2, с. 113].

Главные исторические темы

Контент-анализ поэтических текстов целесообразно начать с выявления ведущих тем, наиболее часто упоминаемых событий и исторических периодов.

При подсчете частоты употребления слов во всем массиве текстов из 126 стихотворений прежде всего бросается в глаза доминирование двух понятий: «город» и «война» (по 28 раз). Именно они чаще всего соседствуют в стихах и в сознании людей. Второе место по частоте встречаемости занимают категории времени и памяти, о чем свидетельствуют слова «напоминать» (27), «время» (21), «век» (18), «год» (11), «день» (11). При этом главным мерилом потока времени и истории выступает сам человек: *«Наше время состоит из нас, / Свято место пусто не бывает»* [28, с. 28].

Остановимся сначала на образе города, который, по сути, выступает как действующее лицо, главный герой поэтических текстов, как связующее звено между прошлым и настоящим: *«Вдохновенный после возрождения, / Он – учитель мой и мой судья»; друг с «лица необщим выраженьем»* [28, с. 28]

Именно в период Перестройки появляется интерес к прошлому города, отношение к которому строится на сравнении советского Калининграда, «города моряков и строителей», и «загадочного Кёнигсберга», чьи следы то и дело попадают на глаза его жителям: *«Собор старинной кладки / мелькнет в моем окне – / и весь маршрут “девятки” / напомнит о войне»* [25, с. 59]. В стихах то и дело появляются и такие символы старого города, как черепичные крыши и каштановые аллеи.

Говоря о довоенном прошлом города, поэты нередко награждают его нелестными эпитетами: «печальный», «мрачноватый», «недобрый». Кёнигсберг в первую очередь описан как место, *«где война родилась / И где смерть к ней пришла»* [33, с. 4]. Совсем иные истоки у наследника Калининграда, который рожден в горниле войны: *«Подарен штурмом»; «Родился в боях в сорок пятом»* [16, с. 29]. Похожую характеристику получили и другие города области: *«Военищину прусскую смыл ледяною волною, / Поднялся Балтийск и бушует зеленой листвою»* [10, с. 4].

Весь Калининградский край возродился *«как птица Феникс – затоцвет, из пепла и огня»* и стал краем «пролетарским», «рабочим», «мирным». Здесь, на берегах Балтики, с первыми переселенцами началась новая жизнь: *«С глубин России принесен / Характер русский в этот край»* [10, с. 148].

Контент-анализ позволяет не только подсчитывать частоту употребления слов, но и анализировать контекст употребления слова «город» (рис. 1). Посчитана частота слов-эпитетов, которые находились в одном предложении со словом «город». Больше всего обращают на себя внимание местоимения и прилагательные «мой», «твой», «наш», «нашенский», «родной», которые отражают завершение процесса, называемого в социологии «присвоением» чужого культурного наследия.

Рис. 1. Контекст упоминания слова «город»

Использование понятий «свое», «чужое» и «присвоение» связано с интерпретацией философской концепции Б. Вальденфельса [5, с. 78; 15, с. 149], рассмотренной в работах искусствоведа И. В. Белинцевой по отношению к Калининградской области [3, с. 152]. Для того чтобы «чужое» стало «своим», должен пройти особый процесс его изучения и понимания, то есть «присвоения» неизвестного. В Калининградской области именно в период Перестройки, с запозданием, осуществлялся интенсивный процесс «присвоения» довоенного прошлого региона [9, с. 105–120].

Тема принадлежности города советским людям связана с событиями Великой Отечественной войны. В стихотворении Сэма Симкина «Меть» (перепечатывалось за период Перестройки трижды в разных изданиях) автор подчеркивает, что характерные черты и образы города живут в сознании калининградцев, как «надежда и любовь», и остаются с ними навсегда: «Как входит кровь в историю, / Как история вошла нам в кровь» [28, с. 36].

С военными действиями и памятью о них связаны слова «война» (28), «напоминать» (27), «могила» (18), «обелиск» (18), «солдат» (15), «войско» (15). Слова «огонь» (19), «кровь» (12), «ужас» (9) однозначно характеризуют войну как страдание, трагедию. В гораздо меньшей степени в поэтических текстах времен Перестройки встречаются глаголизирующие войну и воинский подвиг слова «герой» (6), «подвиг» (3), «победа» (3). При этом они, как правило, появляются при описании скорби о своих не вернувшихся с войны товарищах: «А он поднимается. / Трудно на танк поднимается. / И в память врезается. / Голову низко склоняю / Я перед подвигом...» [20, с. 4].

Для всех поэтов-фронтовиков Великая Отечественная война стала фантомной болью, трагическим периодом жизни, о котором невозможно забыть: «И сколько уж лет пролетело... Но осколки, / Засевшие в теле, / Вдруг занюют жестоко, / И снова я там, / В том году, / В том далеком Апреле...» [1, с. 4]. Прежде всего они вспоминают о своих погибших товарищах: «В те безымянные могилы среди воронок и кустов / Солдат мы молча хоронили – без слез, без звезд и без крестов» [1, с. 47].

Напротив, каждое воспоминание о прошедшей войне порождает размышления о ее уроках, о невозможности повторения трагедии: «За обелиском обелиск, / От маленького до большого... / Какой необратимый риск / Сейчас войну готовить снова!» [23, с. 4]. Если вспомнить, что годы накануне Перестройки ознаменовались витком гонки вооружений и появлением угрозы ядерной войны, то становится особенно понятен лейтмотив стихотворения А. Самусевич «Хатынь»: «Боль на всех языках понятна... / Стать Хатынью может планета, / Если мы не пойдем друг друга» [25, с. 11]. Перед лицом погибших товарищей оставшиеся в живых должны сохранить мир: «Лежат в строю безмолвно тыща двести / И не кричат о славе и о мести. / Они с надеждой смотрят на меня» [28, с. 31].

Обращение к памяти о Восточно-Прусской операции 1945 г. для поэтов-фронтовиков и первых переселенцев становится обоснованием прав на эту землю, обильно политую кровью соотечественников; с другой стороны, это способ самоидентификации на новом месте: «Я не считаюсь здешним старожилом, / Но чтоб понять своих ошибок суть, / Я прихожу на братские могилы, / Как на товарищеский суд» [27, с. 43–46]. События конца войны, штурм Кёнигсберга отражались в текстах стихотворений как начало новой истории края и предмет заслуженной гордости новоселов: «Мы захватили город с бою... / И потрясенный этой встречей, / Притихший город узнавал / Неповторимость русской речи» [26, с. 4].

Исторические время и место в поэтическом произведении

Поэтическое произведение помещено в контекст времени и пространства. Обращение к тому или иному периоду или отсутствие упоминания о нем отражает историческую память автора. Необходимо отметить общие характеристики *исторического времени*. Контент-анализ позволил определить, что в стихотворениях превалирует история XX в. (92 % всех текстов), причем почти нет описания событий начала столетия — мировой войны 1914–1918 гг., которая как раз имела прямое отношение к истории края, революции и Гражданской войны в России. Еще 5 % стихов касаются эпохи Средневековья (посвящены почти исключительно Крещению Руси в связи с 1000-летним юбилеем).

Если обратиться к конкретным *историческим событиям*, они в основном касались военных действий (81 %). Для калининградских авторов история — в первую очередь история войн: Великой Отечественной (74 %), Афганской (5 %), Крымской (1 %) и Наполеоновских войн (1 %).

Важная для калининградской идентичности тема переселения в первые послевоенные годы и возрождения разрушенного войной края занимает 13 %. Журналист Анатолий Дарьялов, долгие годы проработавший в «Калининградской правде», в стихотворении «Калининградцы» так описывает процесс переселения: «Переселенцев поезда / Из Тулы, Брянска и Тамбова... / Был первый старенький трамвай, / Был первый плуг, поднявший пашню... / Так начинался новый край / И так кончался край вчерашний» [1, с. 47]. «Вчерашний край» — завоеванный Кёнигсберг —

в стихотворениях и частушках уступает место российскому Калининграду: «Я остался жить у моря / На краю родной земли. / Милку вызвал из Рязани, / Стали строить корабли» [4, с. 3].

С событиями истории тесно связаны упоминаемые личности (рис. 2). Важно отметить тех, кого не упоминают в стихотворениях: нет ни В. И. Ленина, ни И. В. Сталина, ни русских царей, только два полководца (оба из старых времен — П. С. Нахимов и М. Б. Барклай де Толли), а весь пантеон великих людей заполнили философы, поэты и писатели. Чаще всего среди личностей упоминается И. Кант как «гений места». Конечно, не могли не быть представлены «собратья по перу». Здесь на первом месте оказался Ф. Шиллер — не только как поэт, но и как знаковый кёнигсбергский памятник, а тот факт, что А. А. Ахматова опередила А. С. Пушкина, безусловно, стал следствием всплеска интереса к запрещенной ранее неофициальной советской литературе.

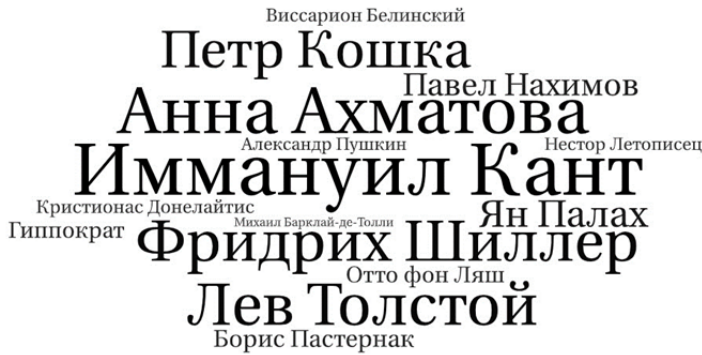

Рис. 2. Исторические личности в поэтических произведениях

Неотъемлемую часть пространства составляют объекты историко-культурного наследия (рис. 3), благодаря которым в исторической памяти формируются определенные устойчивые представления о прошлом земли, где они расположены. С другой стороны, размещение своих памятников на бывшей чужой земле, в чуждом культурном ландшафте позволяет конструировать собственную историческую идентичность.

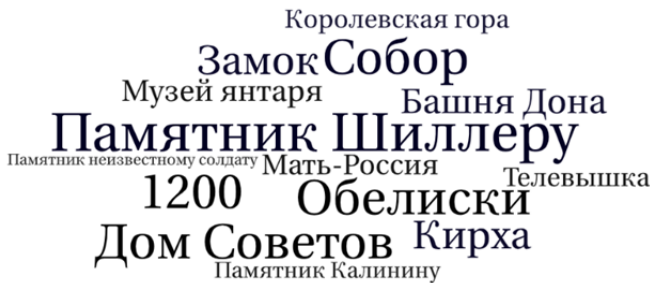

Рис. 3. Историко-культурные объекты и архитектурные сооружения Калининграда

Наибольшее количество объектов связано со штурмом Кёнигсберга и памятью о войне — обелиски, памятник 1200 гвардейцам, башня Дона, монумент «Мать-Россия», памятник Неизвестному солдату. В то же время соотношение довоенных и советских объектов разделилось примерно поровну.

В поэзии периода Перестройки впервые появляются образы старого города и архитектурных памятников, чаще без упоминания прежних названий, в обезличенном виде. Наиболее интересный пример — стихотворение поэта и врача, почетного гражданина города Советска Яснодора (Калиниченко), посвященное сносу Альтшпгадтской кирхи. Шпиль здания — это «осколок прусской старины», произведение искусства, которое стало уже «привычным» для калининградца. При этом автор соглашается с необходимостью сноса частично разрушенного памятника, но в то же время жалеет о случившемся: *«И нет привычной высоты! / И сразу плоским стало небо. <...> / Пусть в том была необходимость — / И все же почему-то жаль / Погибшую неповторимость»* [34, с. 7–8].

Некоторые объекты довоенного времени обрели новую жизнь в советском Калининграде. Например, построенную в духе неоготики кирху памяти королевы Луизы, где после реставрации был размещен кукольный театр, поэт Вениамин Еремеев называет «теремом», «сказке под стать»: *«Творческой удачею зодчего Ваганова, — / Домик детский кукольный в кирху так вписать»* [10, с. 5]. Сравнение «чужого» на первый взгляд готического храма со славянским «теремом» делает здание «своим» и «родным». Другим примером служит здание Музея янтаря, которое стало для калининградцев *«подарком сказочно богатым»*. Бывший фортификационный комплекс воспринимается как *«Дворец-музей, что было сил / Служивший крепостью когда-то»* [10, с. 9].

Авторы стихов не только рассуждают о сложной судьбе памятников, но и ставят проблемные вопросы об их спасении и сохранении. Так, «Кёнигсбергский» (Кафедральный) собор назван «умирающим утопленником», которого «собирают в последнюю дорогу». При этом поэт Дмитрий Ужгин, даже желая изменить ситуацию, отмечает, что многое уже безвозвратно утрачено: *«Плыви, Собор, утопленник, святой. / Харон не перепутает погоста. / Я не смогу тебя согреть рукой / издалека. Да это и не просто»* [30, с. 8].

По облаку имен видно, что самым любимым памятником калининградских поэтов стал памятник Шиллеру. Он чаще других упоминался как символ поэзии, осколок старого Кёнигсберга в советском городе. Несмотря на то что памятник воспринимается как немецкий и «чужой», В. Еремеев подчеркивает, что бронзовая фигура Шиллера стала для калининградцев «своей», в отличие от других довоенных памятников: *«Интересны памятников судьбы, / Судьбы поднятых на пьедестал: / Переплавлен император Фридрих, / Фридрих Шиллер к нам в шеренгу встал»* [10, с. 21]. Деятели культуры отделяются от политики, их принадлежность к «своим» поэт определяет через гуманистические ценности: *«Гуманист великий и мечтатель, — / Он и нынче — нашего полку»* [10, с. 19].

Следует отметить, что среди монументов советской эпохи ни разу не упомянуты главные официальные памятники Ленину, которых к концу советского периода в области насчитывалось более семидесяти.

И лишь единожды появляется памятник М.И. Калининну, формальному патрону Калининграда, чей монументальный образ, впрочем, снижается слегка ироничной интонацией: *«Всероссийский староста Михаил Калинин / У вокзала встретит вас, руку протянув. / Все черты знакомые и борода клином...»* [10, с. 5].

Самая большая группа объектов советского историко-культурного наследия, как и следовало ожидать, связана с Великой Отечественной войной. В первую очередь в поэтических текстах присутствует некий обобщенный образ мемориала Неизвестному солдату. Эта роль часто отводится памятнику 1200 гвардейцам в Калининграде: *«Как солнце, / Он горяч и светел / И, как живой, / Он прям и строг. / Здесь в тишине / Играют дети / У бронзовых солдатских ног»* [16, с. 73]. Этот обелиск, сооруженный уже в 1945 г., стал главным советским «местом памяти» на калининградской земле. Он не только хранитель памяти о великом подвиге советских людей, но и напоминание новым поколениям защищать завоевания тех, кто проливал здесь свою кровь: *«Светлый штык обелиска, / Как опора. Вот тут / Так особенно близко / Слышен цокот минут»* [13, с. 4].

С памятью о войне некоторые поэты связывают и монумент «Мать-Россия», который был установлен в областном центре в 1974 г. в ознаменование образования в составе РСФСР Калининградской области. Об этом стихотворение А. Самусевич «Рисунки на асфальте»: *«“Мать-Россия” здесь же на асфальте / На рисунке детском ожила: / Женщина седая, в черном платье, / Над могилой братской замерла»* [25, с. 43].

Одновременно с бережным отношением к военным памятникам в конце Перестройки начинают звучать слова о том, что дело не в возведении новых памятников — память хранится в сердцах и поступках людей. Об этом имел право сказать фронтовик Василий Сабиров в опубликованных на страницах «Калининградской правды» стихотворных строках: *«Кому нужны бетонные останки, / Когда война навек погребена! / Кому утрата в душу не запала, / Какой солдат невзгодами не сыт? / Лишь одному музею горя мало: / Не смог весь подвиг воинов вместить!»* [24, с. 4]. Ему вторил поэт, переживший войну ребенком, а в период Перестройки — руководитель литературного объединения «Росток» Яснодор: *«Стареет время. / Дряхлеют памятники. / Нужны инъекции / Для нашей памяти!»* [34, с. 8].

Заключение

Поэтические произведения в настоящем исследовании рассмотрены как источник для изучения трансформации исторической памяти калининградцев в годы Перестройки. Поэтический текст, как и всякий другой художественный текст, не только воспроизводит знания конкретных авторов о прошлом, но и отражает господствующие в обществе стереотипы и представления об истории. Использование контент-анализа позволило выявить содержание и отчасти проследить трансформацию исторического нарратива в поэзии, тем самым приблизившись к пониманию происходивших в ту переломную эпоху изменений в массовом историческом сознании калининградского социума.

Прежде всего контент-анализ продемонстрировал, что в региональном историческом нарративе безраздельно доминирует военная тематика, а $3/4$ произведений содержат отсылки к событиям Великой Отечественной войны. При этом в годы Перестройки наряду с прославлением, как и прежде, бессмертного подвига советского воина появляются и начинают занимать все более значимое место образы войны как страшной трагедии, ужасы которой никогда не должны повториться. Меняется и отношение к памятникам, приходит понимание того, что возведением мемориалов нельзя заменить живую память о павших героях и заботу об оставшихся в живых ветеранах.

В то же время память о воевавших отцах и дедах и воинские обелиски выступают главными знаками принадлежности Калининграда России. Штурм Кёнигсберга положил начало новой истории города, память о тех событиях — это способ самоидентификации на новом месте. К концу Перестройки меняется «портрет города», все чаще в стихах возникают образы довоенных архитектурных достопримечательностей. При этом сохраняется дистанцирование от «старого» и «мрачного» Кёнигсберга. «Присвоение» довоенного прошлого происходит посредством включения объектов историко-культурного наследия прошлых веков в круг «своих». Отныне они осознаются как неотъемлемые черты, «меты», если использовать точное определение С. Симкина, городской среды, создающие неповторимый стиль Калининграда. Современный облик города связан с ролью первых переселенцев, которые «привнесли русский характер» на калининградскую землю, и разрушенный войной город возродился, «как птица Феникс».

В период Перестройки в поэзии калининградских авторов прослеживается «переоткрытие» прошлого родного края. Происходит постепенное включение в поэтический текст новых исторических образов довоенного прошлого города и региона, одновременно наблюдается тенденция сохранения и переосмысления прежних советских исторических нарративов.

Исследование поддержано из средств программы стратегического академического лидерства «Приоритет 2030» БФУ им. И. Канта, научный проект № 123092000008-9.

Список литературы

1. *Тропа земная* : антология. Калининград, 1985.
2. Баранова Е. В., Тростянецкий А. А. Литераторы Калининградской области советской эпохи // Ретроспектива: всемирная история глазами молодых исследователей. Калининград, 2020. №11. С. 113–119.
3. Белинцева И. В. Архитектура Калининградской области: «чужое» как «чуждое» и как «свое» // Между Одером и Неманом: проблемы исторической памяти. Калининград, 2012. С. 151–160.
4. Белук В. Калининградские частушки // Калининградская правда. 1986. 16 февр. С. 3.
5. Вальденфельс Б. Своя культура и чужая культура. Парадокс науки о «чужом» // Логос. Философско-литературный журнал. 1995. №6. С. 77–94.
6. Гаврилина Л. М. Калининградский текст в семиотическом пространстве культуры // Вестник БФУ им. И. Канта. Сер.: Гуманитарные и общественные науки. 2011. №6. С. 75–83.

7. *Гаврилина Л.М.* Калининградский текст как метатекст культуры // Кантовский сборник. 2010. №3. С. 64 – 79.
8. *Гарскова И.М.* Историческая информатика. Эволюция междисциплинарного направления. СПб., 2018.
9. *Дементьев И.О.* «Разделенная история»: Изучение исторической политики на землях бывшей Восточной Пруссии в свете современных дискуссий // Балтийский регион. 2015. №4 (26). С. 105 – 120.
10. *Еремеев В.* Калининград – любовь моя. Калининград, 1990.
11. *Костяшов Ю.В.* Изгнание прусского духа: как формировалось историческое сознание населения Калининградской области в послевоенные годы. Калининград, 2003.
12. *Костяшов Ю.В.* Секретная история Калининградской области: очерки 1945–1956 гг. Калининград, 2009.
13. *Кочуров Ю.* У памятника 1200 воинам-гвардейцам // Калининградская правда. 1991. 5 мая. С. 4.
14. *Кретицин Г.В.* Об истоках формирования исторической памяти жителей Калининградской области (1945–1960) // Вестник БФУ им. И. Канта. Сер.: Гуманитарные и общественные науки. 2015. №12. С. 61 – 66.
15. *Лотман Ю.* Внутри мыслящих миров. Человек – текст – семиосфера – история. М., 1996.
16. *Лукин А.А.* Искренность. Калининград, 1985.
17. *Маслов В.Н.* Советская академическая наука и формирование исторической памяти при переименовании населенных пунктов Калининградской области // Историческая экспертиза. 2016. №3. С. 100 – 107.
18. Методологические вопросы изучения политики памяти : сб. науч. тр. / ред. А.И. Миллер, Д.В. Ефременко М. ; СПб., 2018.
19. *Михайлов В.Д.* Лава. Калининград, 1989.
20. *Мушник С.* Забыть невозможно // Калининградская правда. 1985. 16 июня. С. 4.
21. *Нора П.* Всемирное торжество памяти // Неприкосновенный запас. 2005. №2-3. С. 40 – 41.
22. *Полатовский С.А.* Исторические сюжеты в творчестве калининградских писателей 1960-х годов // Калининградские архивы. 2018. №15. С. 148 – 158.
23. *Рыкова Н.А.* Сентябрь. Калининград, 1989.
24. *Сабиров В.* Моя земля // Проспект мира. 1991. 30 нояб. С. 4.
25. *Самусевич А.Г.* Утренний обход: Стихи. Калининград, 1988.
26. *Серебряков В.* По земле врага // Калининградская правда. 1985. 16 июня. С. 4.
27. *Симкин С.Х.* Сад у моря. М., 1985.
28. *Симкин С.Х.* Цвета моря. Калининград, 1986.
29. *Тейтельбаум Е.С.* Дихотомия «свое / чужое» в феноменологии Б. Вальденфельса // Известия Уральского государственного университета. Сер. 3: Общественные науки. 2011. №3 (94). С. 148 – 156.
30. *Ужгин Д.* Кёнигсбергский собор // Калининградский комсомолец. 1990. 1 дек. С. 8.
31. *Фостова С.А.* Писатель Сергей Снегов и политика памяти в Калининградской области (1950–1970-е годы) // Вестник БФУ им. И. Канта. Сер.: Гуманитарные и общественные науки. 2021. №3. С. 49 – 58.
32. *Цвигун Т.В., Черняков А.Н.* К геоэтике города К.: оптики чувствования // Слово.ру: Балтийский акцент. 2022. Т. 13, №4. С. 111 – 123.
33. *Чернов Ю.* Письмо в Калининград // Калининградская правда. 1985. 3 апр. С. 4.
34. *Яснодор.* Талисман. Калининград, 1989.

Об авторе

Ангелина Вячеславовна Стальмакова — асп., Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Калининград, Россия.

E-mail: angelinasaenko08@gmail.com

<https://orcid.org/0000-0003-1285-2342>

A. V. Stalmakova

**HISTORICAL NARRATIVE IN THE WORK
OF KALININGRAD POETS DURING PERESTROIKA:
THE EXPERIENCE OF CONTENT ANALYSIS**

57

Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, Russia

Received 4 July 2023

Accepted 3 October 2023

doi: 10.5922/sikbfu-2023-3-5

To cite this article: Stalmakova A. V., 2023, Historical narrative in the work of Kaliningrad poets during Perestroika: the experience of content analysis, *Vestnik of Immanuel Kant Baltic Federal University. Series: Humanities and social science*, №3. P. 46–57. doi: 10.5922/sikbfu-2023-3-5.

During the years of Perestroika, discussions about Stalinism and the Soviet legacy became a focal point of public attention. In the Kaliningrad region, interest in history during this period shifted towards the regional pre-war past, the cultural heritage of the area, the history of its settlement, and the development by Soviet people. Historical themes became one of the leading motifs in the works of Kaliningrad poets. The aim of the article is to identify the “images of the past” that shaped the historical narrative in Kaliningrad poetry during the Perestroika period. The primary research method employed is content analysis conducted using the Max QDA 2020 software. The analysis is based on 126 poetic works by 47 authors published from 1985 to 1991. The “images of the past” are examined in the article through the prism of the reflection of historical memory of Kaliningraders and utilizing the concept of “lieux de mémoire” (places of memory). The article demonstrates the dynamics of poem publications over the years and characterizes the prioritized historical themes, including events of the Great Patriotic War, the settlement and recovery of the region, and the fate of the historical and cultural heritage. The conclusion is drawn that during the Perestroika period, influenced by changes in public consciousness, there was a gradual incorporation of new historical images of the pre-war and post-war past of the region into poetic texts. Simultaneously, there was a tendency to preserve and partially reconsider certain components of the Soviet historical narrative related to the war and the formation of the Kaliningrad region.

Keywords: historical memory, press, poetry, Perestroika, content analysis, Kaliningrad region

The author

Angelina V. Stalmakova, PhD Student, Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, Russia.

E-mail: angelinasaenko08@gmail.com

<https://orcid.org/0000-0003-1285-2342>